

ТЕОРИЯ ЭЙДОСОВ ПЛАТОНА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ АКСИОЛОГИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сегодня ни одна из отраслей права не может позволить себе заниматься простой регистрацией юридических норм и событий. Поиск философских оснований позволяет сменить угол зрения на конституционное право как на явление, отражающее и направляющее развитие общества и государства в определенном русле. Цель работы – проанализировать отдельные аспекты конституционной аксиологии в свете учения Платона.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа нормативной базы (конституционно-правовых актов, действующего российского законодательства, международных соглашений), а также древнегреческой и иной философской литературы. В качестве методов исследования были использованы историко-правовой, сравнительно-правовой, логические методы (дедукции, индукции) и др.

Результаты. Исследованы отдельные аспекты теории эйдосов Платона в контексте современной конституционной аксиологии. Последовательно рассмотрены возможные подходы к конституционно-правовым ценностям в качестве интеллигибельных объектов рационального познания.

Выводы. Современная теория конституционного права необоснованно игнорирует вывод античной мысли о том, что зачастую следует определять ценность индивида в качестве родовой. Она носит динамический характер и определяется «сопричастием» каждого человека к целям, имеющим значение для социального бытия.

Ключевые слова: Платон, теория эйдосов, конституционная аксиология, теория конституционного права.

P. L. Likhter

PLATO THEORY OF FORMS IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL AXIOLOGY

Abstract.

Background. Today, none of the branches of law can afford to engage in simple registration of legal norms and events. The search for philosophical grounds allows us to change the angle of view on constitutional law as a phenomenon that reflects and directs the development of society and the state in a certain way. The aim of the

work is to analyze certain aspects of constitutional axiology in the light of the teachings of Plato.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of an analysis of the regulatory framework (constitutional legal acts, current Russian legislation, international agreements), as well as Greek and other philosophical literature. As research methods, historico-legal, comparative-legal, logical methods (deduction, induction), etc. were used.

Results. Some aspects of the Plato theory of Forms in the context of modern constitutional axiology have been explored. Consistently considered are possible approaches to constitutional and legal values as intelligible objects of rational knowledge.

Conclusions. The modern theory of constitutional law unjustifiably ignores the conclusion of the ancient thought that it is often necessary to determine the value of an individual as a patrimonial one. It has a dynamic character and is determined by the “involvement” of each person with goals that are important for social life.

Keywords: Plato, the Theory of Forms, constitutional axiology, theory of constitutional law.

Центральное место в онтологии Платона занимает теория эйдосов. Предметы окружающего мира и феномены (будь то произведения искусства или государственно-правовые институты), по Платону, являются подобиями высших идей, а значит, последние будут целью развития для вещей и явлений, которые подвержены изменениям.

Теорию эйдосов в принципе можно свести к тривиальному вопросу: «Почему, например, какая-то вещь является красивой?» Есть весьма простой ответ, но часто в простоте скрыта глубина. Вот этот ответ: «Вещь является красивой из-за присутствия в ней красоты...» [1, p. 53]. В первом приближении может показаться, что подобный ответ является не более чем тривиальной тавтологией, с которой никто не спорит и которая не объясняет ничего нового. Однако субъективное восприятие красоты не делает вещь красивой в платоническом смысле, красивой ее делает объективный масштаб, т.е. не зависящая от каких-либо мнений идея (эйдос) красоты.

Если к теории эйдосов Платона применить нормологическую пирамиду Ганса Кельзена [2], то можно сказать, что прилагательное «красивая» черпает свою силу из существительного «красота» так же, как федеральный закон Российской Федерации черпает свою юридическую силу из Конституции России. Однако конституция – это не просто совокупность субъективных представлений о ней как о нормативном акте, а не объекте материального мира, конституцию следует воспринимать как реально существующую категорию. Так же, как с красотой, субъективное восприятие конституционного акта не имеет смысла, если в нем нет отражения высших идей (эйдосов) базовых категорий аксиологии и идеи самой конституции.

В то же время Платон первым из мыслителей пришел к очевидному выводу о том, что человек как разумное существо всегда имеет дело только с интеллигибельными объектами, т.е. с тем, что открыто для рационального познания. Феноменальный же мир, т.е. мир всевозможных явлений, как таковой представляет собой лишь сумбурный поток ощущений. Строго говоря, феноменальный мир не дает нам вообще никаких объектов, а только «пучки восприятий». Лишь посредством рациональной идентификации, т.е. интел-

лектуального оформления различных ощущений, человеческое сознание конструирует тот или иной интеллигибельный объект.

Категории, воспринимаемые нашим сознанием, сконструированы в соответствии с платоновской теорией «припоминания» таким образом, что некоторым интеллигибельным объектам Платон всегда отдает преимущество: «Весьма примечательным и много объясняющим в этой связи является то обстоятельство, что никогда не вопрошается просто о поленьях или камнях, но всегда о равных или больших поленьях, также никогда не спрашивается просто о поступках или действиях, но всегда о справедливых, красивых поступках...» [3, р. 14].

Для конституционного права существенное значение имеет не просто восприятие теории эйдосов Платона с ее холистическим подходом к универсальным категориям («человек», «государство», «ценность»), но возможность построения иерархии различных конституционно-правовых институтов (прежде всего набора основных ценностей и каталога прав человека), которые, по сути, также являются множеством интеллигибельных объектов.

Данное обстоятельство в свою очередь поднимает вопрос о соотношении различных интеллигибельных объектов друг с другом. Можем ли мы на определенном этапе развития закрепить в конституционном акте приоритет категории «свобода» над «равенством», приоритет частной собственности над другими видами собственности, блага отдельного человека над общими интересами? Допустимо ли построение иерархической пирамиды в конституционной аксиологии?

В свете теории эйдосов Платона мы можем все интеллигибельные объекты разделить на два больших класса: нейтральные объекты и антропологизированные объекты, которые одновременно являются аксиологизированными объектами.

Когда мы говорим не просто о поленьях, а о равных поленьях, мы, во-первых, буквально превращаем просто полено в «полено-для-нас». Во-вторых, мы обнаруживаем в этом полене-для-нас ценность под названием «равенство». В принципе нейтральный эйдос «полено» в учении Платона (или полено как «вещь» для человека «здорового смысла») нужен лишь для того, чтобы принять участие в той или иной антропологической ценности, т.е. в идее более высокого порядка.

По Платону, мы можем прикладывать человеческие ценности (равенство, красота, полезность) не только к нейтральным интеллигибельным объектам (поленьям, камням, рыбам), но и к социально-правовым категориям, которыми оперирует теория конституционного права. Крайне сложно определить наилучшие формы государственного устройства, оптимальный каталог основных прав человека и набор ценностных установок, подлежащих включению в основной закон страны. Многие исследователи предлагают свои концепции государства и правовых институтов. Однако по платоновской теории эйдосов этот процесс выглядит несколько иначе: так как мы ориентируемся в интеллигибельном мире (а другого мира мы ни знать, ни понимать не можем), наши души должны «припомнить» значение космических эйдосов, обнаруживать их «соприсутствие» в окружающем нас мире, и только после этого выбор будет очевидным.

Сами по себе такие космические эйдосы, как «равенство», «справедливость» или «благо», являются неизменными, но в сознании человека они могут стать элементами прагматики и диалектики человеческих потребностей. Например, для маленького очага ценностью будут мелкие поленья, а не крупные, которыми просто неудобно будет поддерживать огонь. На этом примере видно, как диалектика Платона мастерски соединяет, казалось бы, несовместимые тезисы о вечном покое Парменида и о вечном движении Гераклита.

Применительно к конституционной аксиологии учение Платона будет применимо в отношении каталога ценностных установок на определенном этапе развития государства. То, что было ценностью во время диктатуры якобинцев и закреплено во Французской Конституции 1793 г., довольно быстро потеряло актуальность. Каталог конституционных целей требует тонкой балансировки для любой страны любой эпохи, чтобы, с одной стороны, отражать вечное изменение в структуре общественных отношений, а с другой – обеспечивать известную фундаментальность основного закона страны. Например, в России после распада СССР на первое место вышли потребности свободы, затем (после кризиса 1998 г.) потребности социальных благ, затем потребности в безопасности (после событий в Беслане в 2004 г.) и т.д.

Условно можно назвать такую изменчивость «принципом фактической дискретности общественного договора». Под дискретностью здесь понимается определение, используемое в естественных науках, обозначающее свойство прерывности; противопоставляется непрерывности (дискретное изменение какой-либо величины во времени – это изменение, происходящее через определенные промежутки времени, скачками) [4, с. 203]. Таким образом, ценность свободы иногда отходит на второй план при злободневном фоне насущных потребностей, но это не значит, что ее необходимо исключать из конституции страны. Тем не менее следует учитывать, что социальный контракт не остается неизменным, а ценностные ориентиры основного закона в идеале должны обеспечивать возможность удовлетворения широкого круга запросов населения в долгосрочной перспективе.

Обычно философы права (и не только они) с осторожностью относятся к платоническому мировоззрению, так как подозревают объективный идеализм в отрицании действительности чувственного мира. Однако еще А. Оффарт в конце XIX в. убедительно обосновал очевидную нелепость подобного утверждения: «...в указанном смысле еще ни одному объективному идеалисту не приходило в голову утверждать, что то, что можно схватить руками, на самом деле не существует, а существует только представление в нас» [3, р. 24]. Объективный идеализм Платона вовсе не отрицает реальное существование того, что ежеминутно надвигается на нас извне и воздействует на наши чувства. Просто, по его убеждению, мы, во-первых, не в состоянии получить прямой контакт с этой реальностью, она всегда опосредована нашими органами чувств и «расхожими мнениями», а они нередко нас подводят. Во-вторых, эта реальность в силу ее изменчивости, скоротечности и противоречивости не в состоянии обещать нам прочное и надежное знание.

По Платону, хаотичный поток ощущений, который мы называем «феноменальным миром», не может быть основой осмысленной человеческой

жизни, так как в нем нет собственных констант, универсалий, есть только единичное и скоротечное.

Для современной теории конституционного права не свойственно обращать внимание на универсальное, общее, целое. Идеи индивидуализма и либерализма обусловили тот факт, что под правами человека мы привычно понимаем права отдельного индивида. С точки зрения философии Платона, применение понятия, обозначенного в законе общим именем («человек»), исключительно к отдельной единице класса, но не к классу понятий как к целому, ориентирует на сиюминутное, изменчивое, непостоянное. Значением предметных переменных логического языка в правовой сфере должны быть не только отдельные феномены сами по себе, но и отражение в них высших идей, которые образуют истинный «универсум рассуждения» в предметной области теории конституционного права.

Феномен сам по себе нельзя никому сообщить. Например, чувство голода или жажды мы не можем передать другому человеку, даже если он захочет. Однако как только мы начинаем рассуждать о голоде, он перестает быть просто феноменом и становится интеллигибельным объектом. «Например, чувства открывают нам вещи, которые мы считаем равными, скажем, деревья, камни и т.п. Но идею равенства, заключенную в суждении, которое мы прилагаем к этим вещам, откуда мы ее взяли? Равенство нельзя смешивать с равными вещами, которые являются таковыми только ввиду их связи с равенством. Таким образом, идея равенства не производна от чувств. Следовательно, необходимо, чтобы мы имели ее еще до этой жизни и что по причине внешних объектов она возвращается в нашу память» [5, p. 166].

Развивая эту мысль В. Виндельбанд отмечает, что если мы две вещи называем «равными», то на самом деле они никогда полностью не равны; для того чтобы назвать их равными, мы уже заранее как-то должны были их различить, т.е. обнаружить их неравенство. Если же тем не менее мы применяем к ним понятие равенства, то мы не можем получить его из них самих, а должны привнести его. Привнести же что-либо мы можем только в случае, если заранее имеем представление об этом. Вот почему посредством этих относительно равных вещей нам лишь «вспоминается» абсолютная идея равенства [6, p. 75].

Феномены для Платона вторичны по сравнению с интеллигибельным миром, поэтому не представляют подлинной ценности для человеческой жизни. Из этого вытекает весьма неприятный для современных теоретиков конституционного права вывод из теории эйдосов Платона о том, что индивиды как таковые не имеют собственной, т.е. индивидуальной сущности. Сторонники индивидуализма стараются просто не замечать подобных философских оснований при формировании правовых конструкций и институтов. Согласно же учению Платона и его последователей, ценность индивида всегда является родовой и определяется «сопричастием» индивида к ценностям, имеющим значение для государства и общества. Провозглашая однозначный приоритет общего блага над частным, философия Платона предполагает, что не любое бытие индивида допустимо в полисе. С помощью правильного государственного устройства, которому способствует принятие надлежащих законов, должно формироваться честное, справедливое, осознанное поведение гражданина.

В сугубо техническом смысле теория эйдосов Платона предполагает сочетание космической и человеческой перспектив за счет того, что в сознании людей идеи принимают вид либо нейтральных родовых понятий (например, «дерево», «вино», «рыба»), либо антропологизированных и одновременно аксиологизированных родовых понятий (например, «свобода», «равенство», «справедливость»).

Но возникает и чисто логический вопрос: «Существуют ли эйдосы индивидов, таких как, например, Сократ или Федон?» [1, р. 110]. Ответ Платона не оставляет никакого шанса индивидуалистическому мировоззрению: «Хочешь, мы начнем разбор отсюда, с помощью обычного нашего подражания идее метода: для каждого множества вещей, обозначаемых одним именем, мы обычно устанавливаем только один определенный вид. Понимаешь?

– Понимаю.

– Возьмем и теперь какое тебе угодно множество. Ну если хочешь, например, кроватей и столов на свете множество...

– Конечно.

– Но идей этих предметов только две – одна для кровати и одна для стола» [7, с. 458].

Таким образом, Платон предполагает одну идею там, где мы одним именем обозначаем некоторое множество единичных вещей, напротив, «отдельная вещь как таковая... никогда не может быть идеей» [8, р. 122].

На основании изложенного следует сделать следующий вывод: современная теория конституционного права обычно игнорирует вывод из теории эйдосов Платона о том, что индивиды как таковые не имеют собственной, т.е. индивидуальной, сущности. Ценность индивида, по Платону, всегда является родовой. Она носит динамический характер и определяется «сопричастием» индивида к ценностям, которые характеризуют образ жизни человека как существа разумного (равенство, справедливость, честность и т.п.).

Библиографический список

1. **Fouill e, A.** La philosophie de Platon. T. 1. Th orie des id es et de l'amour / A. Fouill e. – 2 me  d. – Paris : Hachette, 1888.
2. **Kelsen, H.** General Theory of Law and State / H. Kelsen. – New York : Russell and Russell, 1961.
3. **Auffarth, A.** Die platonische Ideenlehre / A. Auffarth. – Marburg : Philipps-Universit t Marburg, 1883.
4. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1971. – Т. 5: Вешин – Газли. – 640 с.
5. Oeuvres de Platon, traduites par Victor Cousin. Tome premier. Ph don. Argument philosophique. – Paris : Bossange Freres, 1822. – URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/Ph%C3%A9don_\(trad._Cousin\)/Argument_philosophique](https://fr.wikisource.org/wiki/Ph%C3%A9don_(trad._Cousin)/Argument_philosophique) (дата обращения: 28.01.2019).
6. **Windelband, W.** Platon / W. Windelband. – 3 Aufl. – Stuttgart : Frommanns Verlag, 1901.
7. **Платон.** Сочинения : в 4 т. / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007. – Т. 3, ч. 1.
8. **Zeller, E.** Grundriss der Geschichte der griechischen Philosophie / E. Zeller. – 4te Aufl. – Leipzig : Reisland, 1893.

References

1. Fouillée A. *La philosophie de Platon. T. 1. Théorie des idées et de l'amour* [The philosophy of Plato. Vol. 1. Theory of ideas and love]. 2nd ed. Paris: Hachette, 1888.
2. Kelsen H. *General Theory of Law and State*. New York: Russell and Russell, 1961.
3. Auffarth A. *Die platonische Ideenlehre* [The Platonic theory of ideas]. Marburg: Philipps-Universität Marburg, 1883.
4. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes]. Gen. ed. A. M. Prokhorov. 3d ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1971, vol. 5: Veshin – Gazli, 640 p. [In Russian]
5. *Oeuvres de Platon, traduites par Victor Cousin. Tome premier. Phedon. Argument philosophique* [Works by Plato, translated by Victor Cousin. T. I. Phedon. Philosophical argument]. Paris: Bossange Freres, 1822. Available at: [https://fr.wikisource.org/wiki/Ph%C3%A9don_\(trad._Cousin\)/Argument_philosophique](https://fr.wikisource.org/wiki/Ph%C3%A9don_(trad._Cousin)/Argument_philosophique) (accessed Jan. 28, 2019).
6. Windelband W. *Platon*. 3d ed. Stuttgart: Frommanns Verlag, 1901.
7. *Platon. Sochineniya: v 4 t.*; ed. A. F. Losev, V. F. Asmus. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta: Izd-vo Olega Abyshko, 2007, vol. 3, part 1. [In Russian]
8. Zeller E. *Grundriss der Geschichte der griechischen Philosophie* [The foundation of the history of Greek philosophy]. 4th ed. Leipzig: Reisland, 1893.

Лихтер Павел Леонидович

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра частного и публичного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: lixter@mail.ru

Likhter Pavel Leonidovich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of private and
public law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Лихтер, П. Л. Теория эйдосов Платона в контексте конституционной аксиологии / П. Л. Лихтер // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 1 (49). – С. 5–11. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-1-1.